

А.А. Порецкова*

БУДУЩЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ДИСКУССИЯ О ЛЕГИТИМАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ И ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению функционального противоречия политической теории через призму гуманистической и постструктуралистской традиции. В центре внимания находится вопрос о статусе и способе легитимации полученного знания и тех последствиях для предметного поля, которые они могут вызвать. В статье представлено несколько разделов, в рамках которых рассмотрены внешний и внутренний аспекты методологической рефлексии политической теории, а также сделан вывод о возможном пути развития политической теории в будущем.

Ключевые слова: методология политической науки; политическая теория; теории «среднего уровня»; гуманизм; постструктурализм; легитимация научного знания.

A.A. Poretskova

Future of political theory: Problem of knowledge legitimization through dichotomy of humanism and poststructuralist tradition

Abstract. Article tries to shed light upon the political theory functional contradiction through the dichotomy of humanistic and post-structuralist tradition. In the nutshell, there is a question about the status and the process of legitimization of the scientific knowledge and its corresponding consequences. Several sections of the articles are

* **Порецкова Анастасия Анатольевна**, преподаватель и аспирант факультета социальных наук департамента политической науки Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, e-mail: poretskova.a@gmail.com

Poretskova Anastasia, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: poretskova.a@gmail.com

dedicated to external and internal aspects of the methodological reflection within political theory domain. Conclusion is drawn on a possible way of political theory development in the future.

Keywords: methodology of political science; political theory; «middle-range» theories; humanism; post-structuralism; legitimization of scientific knowledge.

Наследие методологической рефлексии относительно перспектив политической теории и ее места в политической науке до сих пор остается значимым по причине отсутствия универсальной трактовки статуса и характеристик политической науки как дисциплины. С одной стороны, присущая политической науке междисциплинарность не позволяет говорить о «чистоте» методологических подходов, с другой стороны, нельзя отрицать стремление политической науки быть, в терминах Т. Куна, «нормальной» [Кун, 2001]. Выявление факторов, способствующих или препятствующих размыванию предметного поля политики, в перспективе поможет ответить на вопросы о статусе различных методологических подходов, тенденциях последующего развития политической науки и т.п. Между должным и сущим политическая теория отдает предпочтение решению проблем должного порядка, однако, преследуя эту цель, ни одна политическая теория не оставляет без внимания эмпирический материал, который служит ей опорой и иллюстрацией проблем и вызовов, решаемых в рамках того или иного исследования. Из этого можно сделать вывод о том, что политическая теория нацелена на *производство нового знания*, что является одной из фундаментальных задач любой науки. Следовательно, акцент исследовательского интереса на области политической теории не исключает теоретизирования о состоянии политической науки в целом, в силу специфики и функциональной значимости политической теории.

Говоря о статусе научного знания в рамках политической науки, возможно выделить проблему нарастающего массива теоретического знания и появления новых теорий и концептов – и это на фоне существующего мнения о том, что политическая теория более не способна на *производство нового знания*. В данной формулировке принципиально различие между *производством* и *воспроизводством* научного знания, которое будет впоследствии раскрыто через эпистемологический конфликт между гуманистической и постструктуралистской научными традициями. Большое

внимание данному различию уделяет социальная эпистемология, в которой прослеживаются две основные школы мысли, различающиеся в своей трактовке правды и функций научного знания. С одной стороны, есть взгляд, который не отрицает возможности соблюдения позитивистских предпосылок относительно статуса научного знания (даже при условии влияния социальных факторов на процесс конструирования научного знания) [Goldman, 1994]. Второй подход более релятивистский, он принимает во внимание исторические траектории развития научных дисциплин [см.: Fuller, 1992; Remedios, 2003] и ставит под сомнение возможность соблюдения позитивистских требований к эпистемологическому уровню научного познания, что приводит к более мягким и менее формализованным правилам легитимации научного знания.

Другим важным аспектом в понимании различий между производством и воспроизводством знания является вопрос о *легитимности научного знания* и атрибутах, которые приписываются научному знанию. Ж.-Ф. Лиотар еще в 1979 г. сравнил процесс легитимации научного знания с феноменом легитимности в политике: знание требует оправдания и обоснования научности через критерии, которые должны быть установлены внешними по отношению к научному процессу стейкхолдерами [Lyotard, 1984]. В самой простой трактовке легитимация научного знания приводит к признанию этого знания в качестве научного и закреплению за ним функции научного, а не только семантического объяснения.

Я придерживаюсь взгляда, что оценка какой-либо дисциплинарной области на предмет способности или неспособности производства нового знания является не больше чем установлением авторитета и продуктом властного взаимодействия, где стейкхолдерами могут выступать как исследовательские традиции (методологические школы), так и отдельные исследователи. Установление определенных эпистемологических критериев приводит нас к различным подходам, методам и инструментам, используемым в исследовании. Выявление факторов, лежащих в основе легитимации или делегитимации научного знания, позволяет глубже понять социальную природу конструирования научного знания и приводит к переосмыслению статуса методологических школ и исследовательских инструментов, которые используются в тех или иных исследовательских рамках. На примере политической науки есть возможность проследить, как погоня за статусом «нормальной»

науки не укрепляет дисциплинарное поле [Ball, 1976], а размывает его, маргинализирует ряд исследовательских традиций, заставляет исследователей отказываться от инструментов, которые адекватны соответствующим эмпирическим феноменам, но не принимаются в качестве *легитимных*. В данной статье эта проблема рассматривается на примере политической теории.

Под политической теорией здесь и далее понимается субдисциплина политической науки, которая тяготеет к работе с политическими «фактами» и реальными эмпирическими феноменами, целью которой является выработка ряда законов, охватывающих жизнь политического мира [см.: Raphael, 1990; Kelly, 2006]. Задуманный в рамках данного исследования анализ ограничивается рядом предпосылок и допущений. Во-первых, значительное ограничение заключается в том, что инструментальный подход приравнивается к *производству* знания, а чистое теоретизирование якобы не может преследовать практических целей. Однако дискуссия, начавшаяся в середине XX в. самими теоретиками, и логика разделения, проиллюстрированная на примере гуманистической и постструктуралистской традиции, во многом подтверждают данный тезис. Во-вторых, функции, выбранные в качестве предмета исследования, являются в значительной степени результатом искусственного аналитического выбора. Тем не менее они наилучшим образом отражают специфику процессов делегитимации научного знания.

Статья поделена на несколько разделов. В первом из них будет описан экзогенный взгляд на область теоретического знания и позиционирование политической теории относительно других областей политического знания. Во втором разделе будет представлен эндогенный взгляд на функциональные противоречия политической теории. В последнем разделе будет разобрано функциональное противоречие политической теории с точки зрения гуманистической и постструктуралистской научных традиций.

Почему политическая теория больше не производит нового знания: Внешний аспект

Существование и необходимость политической теории практически никогда не ставятся под сомнение, однако мнения о том, какие цели преследуют теоретики, и если преследуют, то каким

принципам они должны следовать и каким стандартам соответствовать, могут сильно различаться. Если бы мы, движимые теми же исследовательскими интересами, оказались в реальности 1960 г., мы бы погрузились в жаркую дискуссию о функциях и цели политической теории как таковой. К примеру, в ней принимал косвенное участие Лео Штраус, заинтересовавшийся вопросом о том, для чего необходимы историческая мысль и политическая философия. Основной критике он подвергал инструментальный подход к политической теории, утверждая, что политическая философия может и должна достигать объективного и беспристрастного знания, а если мы придерживаемся инструментального подхода, то неизбежно находимся под влиянием некоторого мнения и обстоятельств, а что препятствует обнаружению объективного знания [Штраус, 2000, с. 11–12].

У Лео Штрауса были оппоненты: Арнольд Кауфман в своей статье «Природа и функции политической теории» 1954 г. выступал в качестве оппонента «пуристского» подхода к политическому теоретизированию. Он считал, что политическая теория должна быть инструментальной, а основная ее функция заключается в выработке принципов для решения конкретных социально-экономических проблем [Kaufman, 1954, p. 5]. То есть он не отнимал у политической теории права на нормативное теоретизирование и на выработку «вечных идеалов», однако требовал, чтобы существовали еще так называемые «средние идеалы», которые могли бы стать основой для формулирования политических рекомендаций. Таким образом, он призывал к симбиозу между политической теорией и идеей теорий «среднего уровня»¹, что, конечно, противоречило идеалистическому подходу Л. Штрауса.

Мнение А. Кауфмана не выдержало проверки временем, и инструментальный «проект» политической теории в итоге провалился. Политическая теория «не согласилась» на роль источника теорий «среднего уровня», а значит, по мнению И. Берлина, исчезла как дисциплина, так как дисциплина исчезает в тот момент, когда ее место занимает любая другая [Берлин, 2002, с. 81]. В случае с идеей «инструментальной» политической теории так и произошло: *ее место занял политический анализ как прикладное направление в рамках политической науки*. Политический анализ, успешно

¹ Подробнее о теориях «среднего уровня» см.: [Boudon, 1991, p. 519–522].

связывающий концептуализацию, которая не обязательно соблюдает норму теоретической фундированности, с эмпирическим материалом, способен вырабатывать те самые теории «среднего уровня», чем близок к стандартам и характеру «обоснованной теории». В рамках данного типа теорий концепты, лежащие в основе операционализации, служат настройке фокуса исследовательского внимания и установлению темпоральных, географических или иных рамок проблемы исследования. Остальные задачи в рамках исследовательского проекта достигаются при помощи валидного и надежного аналитического инструментария прикладного политического анализа. Таким образом, поражение «инструментального подхода» означает, что у политической теории недостаточно потенциала в вопросе влияния на существующую политическую реальность (по мнению определенной части эпистемического сообщества) [см.: Dunn, 2012].

Почему политическая теория больше не производит нового знания: Внутренний аспект

Как было отмечено в предыдущем разделе, «инструментальный» подход к политической теории провалился, встретив критику от определенной части эпистемического сообщества. Критика заключалась в тезисе о неспособности политической теории, в отличие от других областей политического знания (например, политического анализа), создавать теории «среднего уровня». Следовательно, чтобы достичь наиболее полного и разностороннего взгляда на проблему функциональности политической теории, необходимо рассмотреть внутреннюю логику данной области знания, обозначив те функции, которые постулируются в качестве доминирующих в рамках политической теории. Следует отметить, что я акцентирую внимание на двух функциях политической теории, что является субъективным аналитическим выбором.

Для решения проблемы, поставленной в рамках данной статьи, я хочу остановиться на следующих функциях: обеспечение концептуальной и аналитической ясности и конструирование новых политических концептов [Finifter, 2009, p. 213]. Первая функция предполагает объяснение уже существующих институтов и социально-экономических процессов, посредством чего обеспечи-

вается процесс легитимации существующего положения дел, что уже в большей степени имеет отношение к миру эмпирического. Например, обоснование какого-либо политического проекта и дизайн принятия решений или определенного политического режима. Интерпретация второй функции более очевидна и понятна, так как предполагает обнаружение новых политических концептов.

Несмотря на то что вторая функция понятна, она далеко не однозначна в контексте обсуждаемого вопроса. Здесь, по моему мнению, кроется главная проблема в функциональном противоречии политической теории: если мы создаем новые политические концепты (пусть даже они соответствуют новым политическим явлениям и феноменам), то как они соотносятся с уже имеющимися? Они их подрывают или же они их переосмысливают? Если мы придерживаемся тезиса о переосмыслении, то функция создания нового политического концепта сводится к функции достижения концептуальной и аналитической *ясности*. То есть мы создаем новые концепты, чтобы подкрепить старые с целью их адаптации к меняющейся реальности, но меняются ли принципиально вследствие этого сами теории? И, самое главное, *производится ли новое знание?*

Данное противоречие усложняется еще и тем, что в рамках первой функции также существует необходимость легитимации не только существующего порядка вещей, но и академической дисциплины в целом. Функции, которые исполняет дисциплина, при ответе на определенные вопросы достаточно просты: 1) если мы не знаем ответа на поставленный вопрос, мы, тем не менее, должны быть уверены в том, какой методологический инструментарий использовать для того, чтобы найти ответ; 2) в рамках дисциплины также необходим консенсус по поводу соответствия предметной области и метода, т.е. как и что необходимо измерять (в эпистемологических категориях – достижение внутренней валидности получаемого научного знания) [Берлин, 2002, с. 81–82]. В итоге задавать вопросы, на которые у нас заведомо не существует инструмента для ответа, *нелегитимно*, и в результате продукт исследовательского проекта оказывается вне рамок институционального консенсуса. Однако мой вопрос заключается в том, является ли отсутствие инструмента познания необходимым и достаточным условием для определения научного знания в качестве *нелегитимного?*

Одна из причин, по которой знание может считаться *нелегитимным* – это отсутствие *ясности* в его выражении и описании.

Ясность можно воспринимать как идеологический конструкт в рамках академической дисциплины, как, например, термин «демократический» по отношению к режиму. Согласно одной из точек зрения, если режим демократичен, он по определению легитимен, соответственно, государство может рассчитывать на партнерство и сотрудничество с другими странами. Похожим образом, если текст, работа, теория *ясны* академическому сообществу, то, скорее всего, такой продукт научного познания признаётся в качестве *легитимного* и впоследствии не будет исключен из логики систематического накопления научного знания. «*Ясность*¹ – это разделение, устанавливающееся с точки зрения властной позиции, и именно оно санкционирует то, что в итоге будет считаться или не считаться легитимным» [Popkewitz, 1997, p. 18].

Причина, по которой я определяю термин «ясность» в категориях идеологической принадлежности, заключается в том, что не все парадигмы (или научно-исследовательские программы, в терминах И. Лакатоса) в рамках социальных наук придерживаются описанной выше позиции. Такой индикатор *легитимности* научного познания нельзя считать универсальным, он, например, совершенно не приемлем для представителей конструктивистского лагеря, которому чужда идея монополизации научного знания самим субъектом познания. Отдавая предпочтение субъекту социального действия в вопросе поиска, получения и выражения истины, они стремятся не к научной, а *семантической ясности*, целью которой является установление эпистемологической связи между субъектом и объектом познания. В связи с этим следующий раздел посвящен рассмотрению гуманистической и постструктуралистской научных традиций, репрезентирующих собой две противоположные точки зрения на статус получаемого научного знания.

Функциональное противоречие политической теории через дихотомию гуманистической и постструктуралистской традиции

Гуманистическая традиция научного познания является конвенциональной и доминирующей, ее источником выступают идеи

¹ Clarity – в оригинале (англ.)

Просвещения, которые приписывают индивиду способность *воспроизводства* объективного знания. Традиционные значения категорий «язык», «знание», «рациональность», «истинность» воспроизводятся именно в рамках гуманистической традиции [Adams, Pierre, 2000, p. 477–515], которая во многом опирается на общие принципы позитивизма: существование объективного мира, логики кумулятивного наращивания знания и внутренней непротиворечивости системы накопленного знания [Moses, Knutsen, 2012, p. 20–22].

В качестве противоположной традиции и оппонента в свое время выступила критическая теория. Франкфуртская школа определила проблему традиционного (или классического подхода) теоретизирования как оторванного от контекста и слишком абстрактного анализа [Dallmaуr, 1984, p. 471]. М. Хоркхаймер утверждал, что критическая теория представляет собой теоретизирование, опирающееся на социально-экономический контекст, и в этом заключается ее главное отличие от гуманистической традиции, которая, в свою очередь, критиковалась им за слишком высокий уровень абстракции [Horkheimer, 1939]. Однако уже было зафиксировано, что «инструментальный» подход к пониманию цели политической теории оказался неудачным и не соответствующим современным реалиям и эмпирическим вызовам, с которыми столкнулась политическая теория; по мнению ряда теоретиков, такой подход привел ее к маргинальности и нелегитимности. Тем не менее одна из задач заключается не просто в постулировании мнения, согласно которому политическая теория и производимое ей знание нелегитимны, а в том, *как именно происходит процесс делегитимации знания в рамках политической теории.*

Необходимо отметить, что критическая теория, которая действительно выступает научной оппозицией «традиционной» гуманистической, оказалась в противоречии не только с гуманистической традицией, но и с постструктуралистской. Чтобы показать противоречие между критической теорией и антигуманистической традицией, можно воспроизвести критику Юргена Хабермаса по отношению к постмодернистским проектам и их результатам и, посредством мыслительного эксперимента, смоделировать ответ антигуманистов на данный интеллектуальный выпад.

Воспроизводя риторику «гуманистического антигуманизма» [см.: Davies, 2008], как это назвал в своей книге «Гуманизм» Тони Дэвис, Ю. Хабермас достаточно четко выразился по поводу про-

блемы критики разума: если постмодернистская критика пытается вскрыть «диктаторский способ мышления», если разум действительно правит человеком, его телом, практиками и так далее, то что постмодернистский дискурс может предложить взамен? [см.: Habermas, 1987]. Постмодернисты (например, Мишель Фуко или Жан Лиотар) могли бы ответить на это: несмотря на отсутствие позитивной программы критики гуманизма, они хотя бы не используют те категории, которые предназначены для установления властных отношений в рамках академического знания. Например, что «язык науки должен быть понятным», что «философия может и должна воспроизводить объективное и надежное знание», или что «если правильно использовать законы логики, то выводное знание окажется истинным» [Flax, 1990, p. 41–42].

Обвинение в отсутствии позитивной программы для последующего социального или политического действия в сторону антигуманистов возвращает нас к проблеме *легитимности* знания. Ю. Хабермас пишет: «...эти дискурсы не могут дать отчет о конкретной точке своего приложения. Негативная диалектика, генеалогия и деконструкция не подпадают под критерии, по которым (отнюдь не случайно) дифференцировалось современное знание и которыми мы в наши дни руководствуемся при толковании текстов. Их нельзя однозначно отнести к философии или науке, к теории морали и права, к литературе и искусству» [Хабермас, 2003, с. 347]. Почему Ю. Хабермас утверждает, что методы познания в рамках постмодернизма нельзя отнести к философии или науке? Один из возможных ответов на данный вопрос заключается в отсутствии надежных критериев объективности и противоречии логике концептуальной и аналитической *ясности*. Методы, указанные Ю. Хабермасом, скорее тяготеют к использованию «эклетического» симбиоза различных методологических направлений, что неизбежно умножает количество новых политических концептов, которые обретают статус *неясных* или даже *маргинальных*, с точки зрения «чистых» методологических школ.

Вот еще одно мнение относительно исследований, проведенных в рамках постструктуралистской традиции: «...почти что *мистический* характер некоторых критических работ приводит к тому, что они не *уточняют* (в оригинале – clarify) базовые понятия и не пишут *ясным* образом (в оригинале – clearly), что не способствует распространению их влияния, а скорее только ограничи-

вает его» [Apple, 1990, p. 4]. И снова мы сталкиваемся с категорией *ясности* не как с критерием оценивания исследовательской работы, а как с инструментом *делегитимации* полученного знания. Стоит также обратить внимание на имплицитное указание должной задачи исследовательского проекта, заключающейся в уточнении базовых понятий, а не создании принципиально нового категориального аппарата. Не исключено, что М. Эппл подразумевал не просто базовые понятия, используемые конкретной теорией, а *уже существующие* понятия, используемые в ходе исследовательской работы.

На данном примере мы можем рассмотреть различие между *производством* и *воспроизводством* научного знания. По моему мнению, это две противоположные исследовательские стратегии, присущие позитивизму и конструктивизму в рамках социальных наук (или, иными словами, между количественным и качественным исследовательскими дизайнами). Логика *воспроизводства знания* относится к конвенциональной идее о легитимации научного знания в категориях «нормальной» науки, и это неизбежно приводит к зависимости нового исследовательского проекта от предыдущего знания, что не всегда позволяет решить исследовательские задачи признанными инструментами познания. Напротив, логика *производства научного знания* ближе к идее конструктивистского толка, где исследователь стремится к раскрытию новых социальных и политических феноменов через создание оригинальных понятий и инструментов, что, однако, может привести к *делегитимации* полученного знания.

Таким образом, доминирующая гуманистическая традиция выполняет функцию воспроизводства аналитической и концептуальной *ясности*, что, по моему мнению, не может служить основой для политического действия или изменения. Более того, это может оказаться пагубным для ряда аналитических задач, с которыми наука обязана справляться. Даже критическая теория в ее современном состоянии является «гуманистическим антигуманизмом» и не претендует на опровержение позитивистских принципов знания, истины, познания и теории. Критическая теория стала прагматичной и, интуитивно осознавая принципы, лежащие в основе механизмов легитимации знания, в общем и целом перестала выступать в качестве серьезного оппонента гуманистической традиции. Несмотря на выпады Ю. Хабермаса против утопичности, нецелесообразности и

нелегитимности постструктуралистской традиции, последняя в присущей ей толерантной манере в меньшей степени вступает в академическое протитовборство, что снова приводит ее к краевому положению относительного институционального консенсуса. М. Фуко еще в 1984 г. писал о том, что «гуманизм – это не ошибка, и не стоит его отрицать полностью» [Фуко, 1999]. Это прекрасно иллюстрирует позицию постструктуралистской традиции относительно научного познания: все, что приводит к эффективному результату, должно быть принято во внимание, ведь основными критериями являются полезность и новизна полученного знания.

В связи с вышесказанным, идея «инструментальной» политической теории уже не кажется несостоятельной или незрелым проектом, так как именно через стремление к инструментальности политическая теория может вернуть (или в первый раз получить) связь с миром эмпирического, что должно привести ее к выполнению функции не просто *воспроизводства* уже существующего знания, но к созданию новых и уникальных теорий, способных решать проблемы современного политического мира.

* * *

Таким образом, через реконструкцию дискуссии о роли и цели политической теории мы познакомились с двумя наиболее влиятельными мнениями относительно ее места в системе политического знания: первое – это философский (классический) взгляд, второе – это «инструментальный» подход. При этом мы зафиксировали, что политическая теория действительно обвиняется в отсутствии способности к производству нового знания. *Производство* научного знания, в противоположность позитивистскому *воспроизводству*, тяготеет к инструментальному пониманию роли политической теории, где новые концепты порождают новые инструменты, а новые инструменты призваны решать реальные социально-политические проблемы. Чтобы составить полноценную картину, нам понадобилось рассмотреть две влияющие друг на друга области: экзогенные факторы, относящиеся к статусу дисциплины, и внутренние факторы, относящиеся к эндогенным функциям, присущим политической теории.

Одна из причин касается появления новых областей (дисциплин) политического знания, которые способны на производство такого знания, которого со временем стали требовать и от политической теории. К примеру, политический анализ – бурно развивающаяся область политической науки, призванная вырабатывать теории «среднего уровня» для получения политических рекомендаций и построения точных прогнозов, при этом в идеале используя эпистемологические критерии научного познания. С точки зрения инструментального подхода относительно политической теории способность политического анализа к прогнозу и решению реальных эмпирических вызовов действительно кажется важным фактором угасания политической теории как дисциплины. По мнению ряда ученых, политический анализ заменил собой слишком «абстрактную» политическую теорию.

Вторая причина заключается в эндогенном противоречии политической теории, в ее одновременном стремлении к аналитической и концептуальной ясности и производству новых политических концептов (последнее трактуется в рамках данной работы как попытка возвращения к инструментальной интерпретации роли и места политической теории). Однако, как это было показано на примере гуманистической и постструктуралистской традиции, эти функции противоречат друг другу. Каждая из функций исходит из разных эпистемологических предпосылок и придает научному познанию разное значение, придерживаясь противоположных стандартов легитимации полученного знания. На мой взгляд, внутренняя логика сохранения знания именно в рамках гуманистической традиции становится последним прибежищем для политической теории, которая тем самым сохраняет свою внутреннюю целостность, а значит, бережно охраняет функцию воспроизводства аналитической и концептуальной ясности, что не позволяет ей вернуться на «инструментальный» путь.

Список литературы

- Берлин И.* Существует ли еще политическая теория? // *Берлин И.* Подлинная цель познания: Избр. эссе. – М.: Канон+, 2002. – С. 81–123.
- Кун Т.* Структура научных революций. – М.: АСТ, 2001. – 606 с.

- Фуко М. Что такое просвещение? // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. – М., 1999. – № 2. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature3/fuko-99.htm> (Дата посещения: 31.10.2017.)
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь Мир, 2003. – 416 с.
- Штраус Л. Что такой политическая философия? // Штраус Л. Введение в политическую философию. – М.: Праксис, 2000. – С. 9–50.
- Apple M. Series editor's introduction // Liston D. Capitalist schools. – N.Y.: Routledge, 1990. – P. 3–10.
- Adams St., Pierre E. Poststructural feminism in education: An overview // International journal of qualitative studies in education. – L., 2000. – Vol. 13, N 5. – P. 477–515.
- Ball T. From paradigms to research programs: Toward a post-Kuhnian political science // American journal of political science. – Hoboken, NJ, 1976. – Vol. 20, N 1. – P. 151–177.
- Boudon R. What middle-range theories are // Contemporary sociology. – N.Y., 1991. – Vol. 20, N 4. – P. 519–522.
- Dallmayr F.R. Is critical theory a humanism? // Boundary 2. – Durham, N.C., 1984. – Vol. 12–13. – P. 463–493.
- Dunn N.W. Public policy analysis: An introduction. – L.; N.Y.: Longman, 2012. – 480 p.
- Davies T. Humanism. – L.; N.Y.: Routledge, 2008. – 176 p.
- Finifter A.W. Political science. – Washington: FK Publications, 2009. – 307 p.
- Flax J. Postmodernism and gender relations in feminist theory // Feminism postmodernism / L.G. Nicholson (ed.). – N.Y.: Routledge, 1990. – P. 39–62.
- Fuller S. Social epistemology and the research agenda of science studies // Science as practice and culture / A. Pickering (ed.). – Chicago: Univ. of Chicago press, 1992. – P. 390–428.
- Goldman A. Argumentation and social epistemology // Journal of philosophy. – N.Y., 1994. – Vol. 91, N 1. – P. 27–49.
- Habermas J. The philosophical discourse of modernity: Twelve lectures. – Cambridge: MIT Press, 1987. – 430 p.
- Horkheimer M. The social function of philosophy // Studies in philosophy and social science. – N.Y., 1939. – Vol. 8, N. 3. – Mode of access: <https://www.marxists.org/reference/archive/horkheimer/1939/social-function.htm> (Accessed: 31.10.2017.)
- Kaufman A.S. The nature and function of political theory // The journal of philosophy. – Hanover, PA, 1954. – Vol. 51, N 1. – P. 5–22.
- Kelly P. Political theory: The state of the art // Politics. – Medford, MA, 2006. – Vol. 26, N 1. – P. 47–53.
- Lyotard J.-F. The postmodern condition: A report on knowledge. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1984. – 144 p.
- Moses J., Knutsen T. Ways of knowing: Competing methodologies in social and political research. – Oslo: NLB, 2012. – 368 p.
- Popkewitz T.S. A changing terrain of knowledge and power: A social epistemology of educational research // Educational researcher. – Washington, 1997. – Vol. 26, N 9. – P. 18–29.
- Raphael D.D. Problems of political philosophy. – L.: Macmillan, 1990. – 228 p.
- Remedios F. Legitimizing scientific knowledge: An introduction to Steve Fuller's social epistemology. – Lanham, MD: Lexington Books, 2003. – 153 p.